Мост Александра

Уилла Кэсер

Уилла Кэсер

Мост Александра

«Автор»
2026

Кэсер У.

Мост Александра / У. Кэсер — «Автор», 2026

Он построил величайший мост, но рухнул его собственный мир. Бартли Александр — гениальный инженер, привыкший рассчитывать всё до миллиметра. Его мосты стоят десятилетиями, а имя вызывает восхищение. Но когда в его жизнь врывается прошлое в лице женщины, которую он когда-то любил, все расчёты летят к чертям.Сможет ли человек, привыкший доверять только формулам, справиться с чувствами, которые не поддаются никакой логике? Психологический роман о том, как легко построить мост через реку и как трудно — через собственную душу.

© Кэсер У., 2026
© Автор, 2026

Уилла Кэсер
Мост Александра

Александровский мост (Alexander's bridge)
Автор: Уилла Кесер Перевод с английского: Глеб Савилов

ГЛАВА I

Поздним блистательным апрельским днём профессор Люциус Уилсон стоял на вершине Каштановой улицы и оглядывался вокруг с довольным видом человека со вкусом, который не очень часто попадает в Бостон. Он жил здесь студентом, но вот уже двадцать с лишним лет, с тех пор как стал профессором философии в западном университете, он редко бывал на Востоке, разве что садился на пароход до какого-нибудь заграничного порта. Уилсон стоял совсем неподвижно, созерцая с причудливой улыбкой наклонную улицу с её потёртой мостовой, неправильными, серьёзно окрашенными домами и рядом голых деревьев, на которых всё ещё светился тонкий солнечный свет. Блеск реки у подножия холма заставил его немного поморгать, не столько потому что было слишком ярко, сколько потому что ему это казалось таким приятным. Немногие прохожие равнодушно скользили по нему взглядом, и даже дети, которые спешили мимо с школьными сумками под мышкой, по-видимому находили совершенно естественным, что высокий смуглый господин стоит там, глядя сквозь очки на серые крыши домов.

Солнце быстро садилось; серебристый свет угас с голых ветвей, и наступали бледные сумерки, когда Уилсон наконец пошёл вниз по холму, спускаясь во всё более прохладные и прохладные глубины сероватой тени. Его ноздря, давно отвыкшая от этого, быстро уловила запах древесного дыма в воздухе, смешанный с запахом влажной весенней земли и солёностью, которая поднималась по реке с приливом. Он пересёк Чарльз-стрит между гремящими машинами и накренившимися телегами с деревом, и после минуты нерешительности свернул в Бриммер-стрит. Улица была тихая, пустынная и завешена тонкой голубоватой дымкой. Он уже устремил свой острый взгляд на дом, который, по его разумению, должен был быть его целью, когда заметил женщину, быстро приближавшуюся с противоположного направления. Всегда заинтересованный наблюдением за женщинами, Уилсон замедлил шаг, чтобы проводить её своим безличным, одобрительным взглядом. Она была особой знатной, он это сразу увидел, и, более того, очень красивой. Она была высока, гордо несла свою прекрасную голову и двигалась с лёгкостью и уверенностью. Сразу принималось как должное, что дорогостоящие привилегии и прекрасные пространства должны лежать на заднем плане, откуда такая фигура могла появиться с этой быстрой и элегантной походкой. Уилсон отметил и её платье, — ибо по-своему он имел глаз на такие вещи, — особенно её коричневые меха и шляпу. Он получил смутное впечатление о её прекрасном цвете лица, фиалках, которые она носила, её белых перчатках и, как ни странно, о её вуали, когда она повернула к лестнице перед ним и исчезла.

Уилсон был способен наслаждаться прекрасными вещами, которые проносились мимо него на лету, так же полно и намеренно, как если бы они были выкопанными чудесами, давно предвкушаемыми и окончательно закреплёнными в конце железнодорожного пути. На несколько приятных секунд он совсем забыл, куда идёт, и только после того как дверь закрылась за ней, он понял, что молодая женщина вошла в дом, в который он направил свой чемодан с Южного вокзала этим утром. Он помедлил мгновение перед тем как подняться по ступеням. «Может ли это, — пробормотал он в изумлении, — может ли это быть миссис Александер?»

Когда слуга впустил его, миссис Александер всё ещё стояла в прихожей. Она услышала, как он назвал своё имя, и вышла вперёд, протягивая руку.

«Неужели это вы, профессор Уилсон? Я боялась, что вы можете прийти раньше меня. Меня задержали на концерте, а Бартли позвонил, что опоздает. Томас покажет вам вашу комнату. Вы предпочитаете, чтобы чай принесли туда, или выпьете его здесь со мной, пока мы ждём Бартли?»

Уилсон был рад обнаружить, что он был причиной её быстрой ходьбы, и с ней он был даже более рад, чем раньше. Он последовал за ней через гостиную в библиотеку, где широкие задние окна выходили на сад и закат и прекрасную полосу серебристой реки. Вяз в форме арфы стоял обнажённый на фоне бледного вечернего неба, с рваными прошлогодними птичьими гнёздами в развилках, и сквозь голые ветви вечерняя звезда дрожала в туманном воздухе. Длинная коричневая комната дышала покоем богатой и щедро охраняемой тишины. Чай был принесён немедленно и поставлен перед дровяным камином. Миссис Александер села в кресло с высокой спинкой и начала разливать, а Уилсон опустился в низкое сиденье напротив неё и взял свою чашку с большим чувством покоя, гармонии и комфорта.

«У вас было долгое путешествие, не так ли?» — спросила миссис Александер, выразив любезное участие к его чаю. «И мне так жаль, что Бартли опаздывает. Он часто устаёт, когда опаздывает. Он льстит себе, что это немного ради него вы приехали на этот Конгресс Психологов».

«Это так», — согласился Уилсон, тщательно выбирая маффин; «и я надеюсь, что он не будет усталым сегодня вечером. Но, ради себя самого, я рад, что у меня есть несколько мгновений наедине с вами, прежде чем придёт Бартли. Я почему-то боялся, что моё знание его так хорошо не поможет мне познакомиться с вами».

«Это очень мило с вашей стороны». Она кивнула ему через чашку и улыбнулась, но в её тоне была небольшая формальная напряжённость, которой не было, когда она приветствовала его в прихожей.

Уилсон наклонился вперёд. «Я сказал что-то неловкое? Я живу очень далеко от мира, знаете ли. Но я не имел в виду, что вы бы точно потускнели, даже если бы Бартли был здесь».

Миссис Александер рассмеялась примирительно. «О, я не так тщеславна! Как ужасно вы проницательны».

Она посмотрела прямо на Уилсона, и он почувствовал, что этот быстрый, откровенный взгляд установил между ними понимание.

Ему нравилось в ней всё, сказал он себе, но особенно ему нравились её глаза; когда она смотрела на кого-то прямо в течение мгновения, они были как проблеск прекрасного ветреного неба, которое может принести всевозможную погоду.

«Раз уж вы заметили что-то», — продолжила миссис Александер, «это должно было быть вспышкой недоверия, которое я стала испытывать всякий раз, когда встречаю кого-либо из людей, знавших Бартли, когда он был мальчиком. Это всегда так, как будто они говорят о ком-то, кого я никогда не встречала. Право, профессор Уилсон, кажется, он вырос среди самых странных людей. Обычно они говорят, что он вышел очень хорошо, или замечают, что он всегда был славным парнем. Я никогда не знаю, что ответить».

Уилсон усмехнулся и откинулся в кресле, слегка покачивая левой ногой. «Я полагаю, дело в том, что никто из нас не знал его очень хорошо, миссис Александер. Хотя я скажу за себя, что я всегда был уверен, что он сделает что-то необыкновенное».

Плечи миссис Александер слегка дёрнулись, что указывало на нетерпение. «О, я думаю, это могло быть безопасным предсказанием. Ещё чашку, пожалуйста?»

«Да, спасибо. Но предсказывать, в случае с мальчиками, не так легко, как вы можете себе представить, миссис Александер. Некоторые получают серьёзную травму рано и теряют мужество; а некоторые никогда не получают попутного ветра. Бартли» — он опустил подбородок на тыльную сторону своей длинной руки и посмотрел на неё с восхищением — «Бартли поймал ветер рано, и он поёт в его парусах с тех пор».

Миссис Александер сидела, глядя в огонь с настойчивой озабоченностью, и Уилсон изучал её полуотвернувшееся лицо. Ему нравился намёк на бурные возможности в гордой дуге её губы и ноздри. Без этого, размышлял он, она была бы слишком холодна.

«Мне хотелось бы знать, каким он был на самом деле, когда был мальчиком. Я не верю, что он помнит», — сказала она внезапно. «Не хотите ли закурить, мистер Уилсон?»

Уилсон закурил сигарету. «Нет, я не думаю, что он помнит. Он никогда не был склонен к самоанализу. Он был просто самым колоссальным ответом на раздражители, каких я когда-либо знал. Мы не знали точно, что с ним делать».

Слуга вошёл и бесшумно убрал чайный поднос. Миссис Александер заслонила лицо от света камина, который начал бросать колеблющиеся яркие пятна на её платье и волосы по мере того как сгущались сумерки.

«Конечно», — сказала она, «я время от времени слышу истории о вещах, которые случались, когда он был в колледже».

«Но это не то, чего вы хотите». Уилсон нахмурил брови и посмотрел на неё с улыбающейся фамильярностью, которая возникла так быстро. «То, чего вы хотите, — это картина его, стоящего там, на другом конце двадцати лет. Вы хотите смотреть вниз сквозь мою память».

Она уронила руки на колени. «Да, да; это именно то, чего я хочу».

В этот момент они услышали, как входная дверь захлопнулась с грохотом, и Уилсон рассмеялся, когда миссис Александер быстро встала. «Вот и он. Прочь перспективу! Ни прошлого, ни будущего для Бартли; только огненное мгновение. Единственное мгновение, которое когда-либо было или будет в мире!»

Дверь из прихожей открылась, голос торопливо позвал «Уинифред?», и большой человек вошёл через гостиную быстрым, тяжёлым шагом, принеся с собой запах сигарного дыма и холодного воздуха с улицы. Когда Александр достиг двери библиотеки, он включил свет и стоял шести футов с лишним в арке, светясь силой и сердечностью и суровыми, белокурыми, приятными чертами лица. Были, конечно, и другие строители мостов в мире, но именно картина Александра всегда была нужна людям из воскресного приложения, потому что он выглядел так, как должен выглядеть укротитель рек. Под его взъерошенными песочными волосами его голова казалась такой же твёрдой и мощной, как катапульта, а его плечи выглядели достаточно сильными сами по себе, чтобы поддержать пролёт любого из его десяти великих мостов, которые резали воздух над столькими же реками.

После обеда Александр повёл Уилсона наверх в свой кабинет. Это была большая комната над библиотекой, выходившая на чёрную реку и ряд белых огней вдоль Кембриджской набережной. Комната была совсем не такой, как можно было бы ожидать от кабинета инженера. Уилсон сразу почувствовал гармонию прекрасных вещей, которые долго жили вместе без навязчивости уродства или перемен. Это было, конечно, не его делом; те тёплые созвучия цвета смешивались и смягчались до того, как он родился. Но чудо было в том, что он не был здесь неуместен, — что всё это, казалось, светилось как неизбежный фон для его силы и стремительности. Он сидел перед огнём, его плечи глубоко в подушках кресла, его мощная голова прямо, его волосы взъерошены над широким лбом. Он сидел тяжело, с сигарой в своей большой, гладкой руке, с румянцем послеобеденного цвета на лице, которое ветер и солнце и подверженность всевозможной погоде оставили светлым и с чистотой кожи.

«Вы отправляетесь в Англию в субботу, Бартли, миссис Александер мне сказала».

«Да, всего на несколько недель. Там встреча британских инженеров, и я делаю ещё один мост в Канаде, знаете ли».

«О, все знают об этом. И это в Канаде вы встретили свою жену, не так ли?»

«Да, в Оллвее. Она гостила у своей двоюродной бабушки там. Весьма замечательная старая леди. Я тогда работал с МакКеллером, старым шотландским инженером, который подобрал меня в Лондоне и взял обратно в Квебек с собой. У него был контракт на Оллвейский мост, но прежде чем он начал работу над ним, он обнаружил, что собирается умереть, и посоветовал комитету передать работу мне. Иначе я никогда бы не получил ничего хорошего так рано. МакКеллер был старым другом миссис Пембертон, тёти Уинифред. Он упомянул меня ей, так что когда я приехал в Оллвей, она попросила меня прийти к ней. Она была замечательной старой леди».

«Как её племянница?» — спросил Уилсон.

Бартли рассмеялся. «Она была очень красива, но не в манере Уинифред. Когда я знал её, она была маленькой и хрупкой, очень розовой и белой, с прекрасной головой и лицом как тонкое старое кружево, как-то, — но, возможно, я всегда думаю об этом, потому что она носила кружевной шарф на волосах. В ней был такой аромат жизни. Она знала Гордона и Ливингстона и Биконсфилда, когда была молодой, — всех. Она была первой женщиной такого рода, которую я когда-либо знал. Вы знаете, как это на Западе, — стариков отодвигают в сторону. Тётя Элеонора очаровала меня, как мало молодых женщин когда-либо делали. Я обычно поднимался с работ, чтобы выпить с ней чаю, и сидел, разговаривая с ней часами. Это было очень стимулирующе, потому что она не терпела глупости».

«Должно быть, тогда ваша удача началась, Бартли», — сказал Уилсон, стряхивая пепел сигары своим длинным пальцем. «Любопытно наблюдать за мальчиками», — продолжал он задумчиво. «Я уверен, что отдал вам должное в отношении способностей. И всё же я всегда чувствовал, что было слабое место, где когда-нибудь напряжение скажется. Даже после того как вы начали взбираться, я стоял в толпе и смотрел на вас с — ну, не с уверенностью. Чем более ослепительным был фасад, который вы представляли, чем выше поднимался ваш фасад, тем больше я ожидал увидеть большую трещину, зигзагом идущую сверху донизу», — он указал её курс в воздухе указательным пальцем, — «затем грохот и облака пыли. Это было любопытно. У меня была такая ясная картина этого. И ещё одна любопытная вещь, Бартли», — Уилсон говорил с обдуманностью и глубже устроился в кресле, — «это то, что я больше этого не чувствую. Я уверен в вас».

Александр рассмеялся. «Вздор! Это не меня вы чувствуете уверенным; это Уинифред. Люди часто делают эту ошибку».

«Нет, я серьёзен, Александр. Вы изменились. Вы решили оставить нескольких птиц в кустах. Раньше вы хотели их всех».

Кресло Александра скрипнуло. «Я всё ещё хочу многих», — сказал он довольно мрачно. «В конце концов, жизнь не предлагает человеку много. Вы работаете как дьявол и думаете, что продвигаетесь, и вдруг обнаруживаете, что только связали себя. Миллион деталей высасывает вас досуха. Ваша жизнь идёт ради вещей, которых вы не хотите, и всё это время вас заживо встраивают в социальную структуру, до которой вам нет никакого дела. Я иногда задаюсь вопросом, каким парнем я был бы, если бы не был таким; я хочу пойти и пожить и его потенциальностями тоже. Я не забыл, что в кустах есть птицы».

Бартли замолчал и сидел, хмурясь в огонь, его плечи выдвинуты вперёд, как будто он собирался прыгнуть на что-то. Уилсон наблюдал за ним, удивляясь. Его старый ученик всегда сначала стимулировал его, а затем сильно утомлял. Машина всегда грохотала в этом человеке, и Уилсон предпочитал компаньонов более созерцательного склада ума. Он не мог не чувствовать, что в Александре всё время происходили неразумные и необоснованные действия; что даже после обеда, когда большинство мужчин достигают приличной безличности, Бартли просто закрыл дверь машинного отделения и вышел на воздух. Сама машина всё ещё грохотала.

Абстракция Бартли и размышления Уилсона были прерваны шорохом у двери, и почти прежде чем они могли встать, миссис Александер стояла у камина. Александр принёс ей стул, но она покачала головой.

«Нет, дорогой, спасибо. Я только пришла посмотреть, удобно ли вам и профессору Уилсону. Я иду вниз в музыкальную комнату».

«Почему бы не позаниматься здесь? Уилсон и я становимся очень скучными. Мы устали от разговоров».

«Да, я вас умоляю, миссис Александер», — начал Уилсон, но не продолжил.

«Ну, конечно, если вы не найдёте меня слишком шумной. Я работаю над «Карнавалом» Шумана, и, хотя я не занимаюсь много часов, я очень методична», — объяснила миссис Александер, направляясь к вертикальному пианино, стоявшему в задней части комнаты, у окон.

Уилсон последовал за ней и, увидев, что она села, опустился в кресло позади неё. Она играла блестяще и с большим музыкальным чувством. Уилсон не мог представить, чтобы она позволила себе делать что-либо плохо, но он был удивлён чистотой её исполнения. Он задавался вопросом, как женщина с таким количеством обязанностей сумела сохранить себя на уровне действительно профессиональном. Это должно занимать много времени, конечно, и Бартли должен занимать много времени. Уилсон размышлял, что он никогда раньше не знал женщины, которая была бы способна в течение сколько-нибудь значительного времени поддерживать как личную, так и интеллектуальную страсть. Сидя позади неё, он наблюдал за ней с озадаченным восхищением, затеняя глаза рукой. В вечернем платье она выглядела даже моложе, чем в уличной одежде, и, при всём её спокойствии и самодостаточности, она казалась ему странно бдительной и вибрирующей, как будто в ней тоже было что-то никогда полностью не находящееся в покое. Он чувствовал, что довольно хорошо знает, чего она требует от людей и чего она требует от жизни, и он задавался вопросом, как она ладит с Бартли. После десяти лет она должна знать его; и как бы к нему ни относились, как бы им ни восхищались, приходилось признать, что он просто не ладил. Он был природной силой, конечно, но сверх этого, чувствовал Уилсон, он не был ничем очень реальным или очень долгим за раз.

Уилсон взглянул в сторону камина, где профиль Бартли всё ещё был окутан сигарным дымом, который поднимался всё медленнее и медленнее. Его плечи были глубоко погружены в подушки, и одна рука висела большая и пассивная над подлокотником кресла. Он накинул фиолетовый бархатный смокинг. Его жена, предположил Уилсон, выбрала его. Она явно очень гордилась его приятной внешностью и его прекрасным цветом лица. Но с ушедшим интересом непосредственного момента лицо инженера выглядело усталым, даже немного изможднным. Три линии на его лбу, прямо над носом, углубились, когда он сидел задумавшись, и его мощная голова тяжело склонилась вперёд. Хотя Александру было всего сорок три, Уилсон думал, что под его энергичным цветом лица он различает тусклую усталость приближающейся старости.

На следующий день, в час когда река начинала краснеть под заходящим солнцем, Уилсон снова оказался лицом к лицу с миссис Александер за чайным столом в библиотеке.

«Ну», — заметил он, когда его попросили отчитаться о себе, «было долгое утро с психологами, обед с Бартли в его клубе, ещё психологи, и вот я здесь. Я ждал этого часа весь день».

Миссис Александер улыбнулась ему через пар от чайника. «И вы помните, где мы остановились вчера?»

«Совершенно. Я собирался показать вам картину. Но я сомневаюсь, что у меня достаточно цвета в себе. Бартли заставляет меня чувствовать себя выцветшей монохромией. Вы не можете добраться до молодого Бартли иначе как с помощью цвета». Уилсон помолчал и обдумал. Внезапно он разразился: «Он не был замечательным студентом, знаете ли, хотя всегда был силён в высшей математике. Его работа на моём собственном факультете была вполне обычной. Именно как мощно оснащённую натуру я находил его интересным. Это самая интересная вещь, которую может найти учитель. В ней есть очарование научного открытия. Мы встречаем другие приятные и милые качества гораздо чаще, чем находим силу».

«И, в конце концов», — сказала миссис Александер, «именно на этом мы все живём. Это то, что несёт нас вперёд».

Уилсон подумал, что она говорит немного тоскливо. «Именно», — согласился он тепло. «Это строит мосты в будущее, по которым пойдут ноги каждого из нас».

«Как мне интересно слышать, что вы так говорите. Мосты в будущее — я часто говорю это себе. Мосты Бартли всегда кажутся мне такими. Вы когда-нибудь видели его первый висячий мост в Канаде, тот, который он делал, когда я впервые его узнала? Я надеюсь, вы увидите его когда-нибудь. Мы поженились, как только он был закончен, и вы будете смеяться, когда я скажу вам, что он всегда имеет для меня скорее свадебный вид. Он над самой дикой рекой, с туманами и облаками, всегда борющимися вокруг него, и он нежен, как паутина, висящая в небе. Это действительно был мост в будущее. Вам стоит только взглянуть на него, чтобы почувствовать, что он означал начало великой карьеры. Но у меня есть его фотография здесь». Она достала портфолио из-за книжного шкафа. «И там, видите, на холме, дом моей тёти».

Уилсон взял фотографию. «Бартли рассказывал мне кое-что о вашей тёте вчера вечером. Она, должно быть, была восхитительной женщиной».

Уинифред рассмеялась. «Мост, видите ли, был как раз у подножия холма, и шум машин сначала очень раздражал её. Но после того как она познакомилась с Бартли, она притворилась, что любит его, и сказала, что это хорошо — напоминать, что в мире что-то происходит. Она любила жизнь, и Бартли приносил много её в дом, когда приходил. Тётя Элеонора была очень светской в откровенной, ранневикторианской манере. Она любила людей действия и не любила молодых людей, которые были осторожны с собой и которые, как она выражалась, всегда подрезали свой фитиль, как будто боялись, что их масло кончится. МакКеллер, первый начальник Бартли, был старым другом моей тёти, и он сказал ей, что Бартли был диким, плохо управляемым юношей, что ей очень понравилось. Я помню, мы сидели одни в сумерках после того, как Бартли был там в первый раз. Я знала, что тётя Элеонора нашла его очень по вкусу, но она ничего не сказала. Вскоре она вышла с усмешкой: «МакКеллер нашёл его сеющим дикий овёс в Лондоне, я полагаю. Надеюсь, он не остановил его слишком рано. Жизнь заигрывает с лихими парнями. Грядущие люди всегда такие. Мы должны пригласить его на обед, моя дорогая». И мы сделали. Она стала гораздо более привязана к Бартли, чем ко мне. Я училась в Вене, и она считала это абсурдным. Она интересовалась армией и политикой, и у неё было большое презрение к музыке и искусству и философии. Она обычно заявляла, что принц-консорт привёз все эти штуки из Германии. Она всегда фыркала, когда Бартли просил меня играть для него. Она считала это новомодным способом устроить матч».

Когда Александр вошёл несколько мгновений спустя, он нашёл Уилсона и свою жену всё ещё рассматривающими фотографию. «О, давайте уберём это с дороги», — сказал он, смеясь. «Уинифред, Томас может принести мой сундук вниз. Я решил поехать в Нью-Йорк завтра вечером и взять быстрый пароход. Я сэкономлю два дня».

ГЛАВА II

В ночь своего приезда в Лондон Александр сразу пошёл в отель на набережной, в котором он всегда останавливался, и в вестибюле его окликнул старый знакомый, Морис Мейнхолл, который набросился на него с назойливой сердечностью и выразил желание пообедать с ним. Бартли никогда не обедал один, если мог этого избежать, а Мейнхолл был хорошим сплетником, который всегда знал, что происходило в городе; особенно он знал всё, что не печаталось в газетах. Племянник одного из стандартных викторианских романистов, Мейнхолл сновал среди различных литературных клик Лондона и его пригородов, стараясь не потерять связь ни с одной из них. Он сам написал ряд книг; среди них «Историю танца», «Историю костюма», «Ключ к сонетам Шекспира», исследование «Поэзии Эрнеста Доусона» и т.д. Хотя энтузиазм Мейнхолла часто был утомителен, и хотя он часто был не в состоянии различить факты и яркие вымыслы своего воображения, его невозмутимая доброжелательность побеждала даже тех людей, которых он больше всего наскучивал, так что они кончали тем, что становились, неохотно, его друзьями. По внешности Мейнхолл был поразительно похож на условного сценического англичанина из амери-

канской драмы: высокий и худой, с высокими, дёргающимися плечами и маленькой головой, блестящей от близко причёсанных жёлтых волос. Он говорил с крайним оксфордским акцентом, и когда он говорил хорошо, его лицо иногда принимало восторженное выражение очень эмоционального человека, слушающего музыку. Мейнхолл любил Александра, потому что тот был инженером. У него были предвзятые идеи обо всём, и его идея об американцах была такова, что они должны быть инженерами или механиками. Он ненавидел их, когда они претендовали на что-то другое.

Пока они сидели за обедом, Мейнхолл посвящал Бартли в судьбы его старых друзей в Лондоне, и когда они встали из-за стола, он предложил пойти посмотреть новую комедию Хью МакКоннелла «Болотные огни».

«Это действительно лучшая вещь МакКоннелла», — объяснил он, когда они садились в кэб. «Она чертовски хорошо поставлена. Флоренс Меррилл и Сирил Хендерсон. Но Хильда Бёргойн — гвоздь программы. Хью написал для неё восхитительную роль, и она совершенно невыразима. Она идёт всего две недели, и я был уже полдюжины раз. У меня случайно есть ложа МакКоннелла на сегодня, иначе у нас не было бы шансов попасть. Всё дело в том, чтобы увидеть Хильду, пока она свежа в роли. Она имеет обыкновение становиться немного несвежей со временем. Те, у кого есть воображение, делают это».

«Хильда Бёргойн!» — воскликнул Александр мягко. «Почему, я не слышал о ней — годы».

Мейнхолл рассмеялся. «Тогда вы, должно быть, слышали не много, мой дорогой Александр. Только недавно, «Только недавно, с тех пор как МакКоннелл и его компания взяли её в оборот, она пошла в гору. Я сам всегда знал, что в ней это есть. Будь у нас один настоящий критик в Лондоне — но чего можно ожидать? Знаете, Александр», — Мейнхолл с недоумением посмотрел вверх, в потолок кэба, и потёр свою розовую щёку пальцем в перчатке, — «знаете, я иногда думаю всерьёз заняться критикой сам. В некотором смысле это была бы жертва; но, боже мой, нам ведь действительно нужен кто-то».

Как раз тогда они подъехали к театру герцога Йоркского, так что Александр не стал связывать себя обещанием, а последовал за Мейнхоллом в театр. Когда они вошли в ложу слева от сцены, первый акт был уже в разгаре, действие происходило в интерьере хижины на юге Ирландии. Когда они сели, взрыв аплодисментов привлёк внимание Александра к сцене. Мисс Бёргойн и её осёл просовывали головы в полудверь. «В конце концов», — размышлял он, — «мала вероятность, что она меня узнает. Она, несомненно, не думала обо мне годами». Он сразу почувствовал энтузиазм зала и через несколько мгновений был захвачен потоком неотразимой комедии МакКоннелла. Публика пришла, очевидно, предупреждённой, и всякий раз, когда оборванная девчонка с ослом выбегала на сцену, раздавался глубокий ропот одобре-

ния, все улыбались и светились, а Мейнхолл придвигал своё тяжёлое кресло немного ближе к латунным перилам.

«Видите ли», — пробормотал он на ухо Александру, когда занавес упал после первого акта, «почти никогда не увидишь, чтобы такая роль была сыграна без жеманства или сентиментальности. Конечно, Хильда ирландка, — Бёргойны были сценическими людьми в течение поколений, — и у неё ирландский голос. Его восхитительно слышать в лондонском театре. Этот смех, вот сейчас, когда она сгибается пополам в бёдрах — кто когда-либо слышал его вне Голуэя? Она и руку бережёт, тоже. Она лучше всего во втором акте. Она действительно поэтический мотив МакКоннелла, видите ли; делает всю вещь сказкой».

Второй акт открылся перед подземным перегонным аппаратом Филли Дойла, где Пегги со своим избитым ослом пришла, чтобы провезти контрабандой самогон через болото и принести Филли весть о том, что делается в мире снаружи, и о том, что происходит вдоль дорог и канав с первым проблеском хорошей погоды. Александр, раздражённый вздохами и восклицаниями Мейнхолла, наблюдал за ней с острым, наполовину скептическим интересом. Как сказал Мейнхолл, она была вторым актом; и сюжет, и чувство одинаково зависели от её лёгкости ног, её лёгкости прикосновения, от проницательности и ловкой фантазийности, которые играли поочерёдно, а иногда и вместе, в её весёлых карих глазах. Когда она начала танцевать, чтобы показать парням, что она видела в волшебных кольцах ночью, зал разразился продолжительным рёвом. После танца она отошла от диалога и удалилась к стене канавы позади норы Филли, где сидела, напевая «Восход Луны» и делая венок из примул для своего осла.

Когда акт закончился, Александр и Мейнхолл вышли в коридор. Они встретили много знакомых; Мейнхолл, действительно, знал почти всех, и он без умолку болтал, вертя своей маленькой головой над высоким воротником. Вскоре он окликнул высокого, бородатого человека, угрюмого и довольно потрёпанного, у которого был оперный плащ на руке и шляпа в руке, и который, казалось, собирался покинуть театр.

«МакКоннелл, позвольте представить мистера Бартли Александера. Я говорю! Сегодня идёт с треском, Мак. И какая публика! Вы никогда не сделаете ничего подобного снова, заметьте мои слова. Человек пишет на пределе своих сил только один раз».

Драматург бросил на Мейнхолла странный взгляд из своих глубоко посаженных выцветших глаз и сделал кислую мину. «И я сделал что-то настолько глупое, да?» — спросил он.

«Вот что я говорил», — Мейнхолл лениво придвинулся немного ближе и перешёл на тон ещё более заметно конфиденциальный. «И вы никогда больше не выведете Хильду так. Боже мой, Мак, девочка не могла бы быть лучше, знаете ли».

МакКоннелл хмыкнул. «Она справится, если будет держать свой темп и не сорвётся посреди сезона, как она скорее всего и сделает».

Он коротко кивнул и направился к двери, уклоняясь от знакомых на ходу.

«Бедный старый Хью», — пробормотал Мейнхолл. «Он страшно тяжело ранен. Он хочет жениться на Хильде вот уже три года и больше. Она ни с кем не связывается, знаете ли. Айрин Бёргойн, одна из её семьи, сказала мне по секрету, что где-то в начале был роман. Один из ваших соотечественников, Александр, кстати; американский студент, с которым она познакомилась в Париже, я полагаю. Я осмелюсь сказать, что это вполне правда, что никогда не было никого другого». Мейнхолл поручился за её постоянство с такой величавостью, что Александр улыбнулся, даже когда своего рода быстрые волнения покалывали его. Мигая на огни, Мейнхолл добавил в своей роскошной, светской манере: «Она элегантная маленькая особа и вполне способна на экстравагантный кусочек сентиментальности вроде этого. Вот идёт сэр Гарри Таун. Он ещё один, кто ужасно к ней неравнодушен. Позвольте представить вас. Сэр Гарри Таун, мистер Бартли Александер, американский инженер».

Сэр Гарри Таун поклонился и сказал, что встречал мистера Александера и его жену в Токио.

Мейнхолл нетерпеливо перебил.

«Я говорю, сэр Гарри, сегодня маленькая леди идёт с треском, не так ли?»

Сэр Гарри задумчиво нахмурил брови. «Знаете ли, я подумал, что танец сегодня немного сознательный, впервые. Дело в том, что она чувствует себя довольно скверно, бедное дитя. Уэстмир и я вернулись после первого акта, и мы думали, что она кажется совсем неуверенной в себе. Небольшой приступ нервов, возможно».

Он поклонился, когда прозвенел предупреждающий звонок, и Мейнхолл прошептал: «Вы знаете лорда Уэстмира, конечно, — сгорбленный человек с длинными седыми усами, разговаривающий с леди Доул. Леди Уэстмир очень любит Хильду».

Когда они достигли своей ложи, зал был затемнён, и оркестр играл «Плащ старого галла». Через мгновение Пегги снова была на сцене, и Александр аплодиро-

вал энергично вместе с остальными. Он даже наклонился немного через перила. По какой-то причине он чувствовал себя довольным и польщённым энтузиазмом публики. В полусвете он оглядывал партер и ложи и улыбался немного сознательно, с удовольствием вспоминая судейскую хмурость сэра Гарри. Он начинал чувствовать острый интерес к стройной, босой девчонке с ослом, которая скользила в пьесу и из неё, напевая, как кто-то пробирающийся через холмистое поле. Он наклонился вперёд и излучал поздравления так же тепло, как сам Мейнхолл, когда в конце пьесы она снова и снова выходила перед занавесом, немного запыхавшаяся и раскрасневшаяся, её глаза танцевали, а её нетерпеливый, нервный маленький рот дрожал от волнения.

Когда Александр вернулся в свой отель — он отделался от Мейнхолла у дверей театра — он велел принести ужин в свою комнату, и было поздно, прежде чем он лёг спать. Он не думал о Хильде Бёргойн годами; действительно, он почти забыл её. Он последний раз писал ей из Канады, после того как впервые встретил Уинифред, говоря ей, что всё изменилось для него — что он встретил женщину, на которой женился бы, если бы мог; если бы не мог, то тем более всё изменилось для него. Хильда никогда не ответила на его письмо. Он чувствовал себя виноватым и несчастным из-за неё некоторое время, но после того как Уинифред обещала выйти за него замуж, он действительно забыл Хильду совсем. Когда он написал ей, что всё изменилось для него, он говорил правду. После того как он встретил Уинифред Пембертон, он казался себе другим человеком. Однажды ночью, когда они с Уинифред сидели вместе на мосту, он сказал ей, что вещи случались, пока он учился за границей, за которые ему жаль, — одна вещь в особенности, — и он спросил её, думает ли она, что ей следует знать о них. Она подумала мгновение и затем сказала: «Нет, я думаю, нет, хотя я рада, что ты спрашиваешь меня. Видишь ли, нельзя ревновать к вещам вообще; но к конкретным, определённым, личным вещам», — здесь она бросила руки ему на плечи быстрым, импульсивным жестом, — «о, к таким я была бы очень ревнива. Я бы мучила себя — я не могла бы иначе». После этого было легко забыть, действительно забыть. Он задавался вопросом сегодня вечером, наливая вино, сколько раз он думал о Хильде за последние десять лет. Он был в Лондоне более или менее, но он никогда случайно не слышал о ней. «Всё же», — он поднял стакан, — «вот тебе, маленькая Хильда. Ты заставила дела идти своим путём, и я никогда не думал, что ты это сделаешь.

«Конечно», — размышлял он, «у неё всегда было это сочетание чего-то домашнего и разумного, и чего-то совершенно дикого и безумного. Но я никогда не думал, что она чего-то добьётся. У неё тогда не было особых амбиций, и она была слишком привязана к пустякам. Она, должно быть, заботится о театре гораздо больше, чем раньше. Возможно, она обязана мне чем-то, в конце концов. Иногда такой небольшой толчок идёт на пользу. Она была безумной, щедрой маленькой штучкой. Я рад, что она удержалась. В конце концов, мы были ужасно молоды. Это была молодость и бедность и близость, и всё было молодо и доброжелательно. Я не удивлюсь, если она могла бы посмеяться надо мной теперь. Я не удивлюсь — но они, вероятно, избаловали её, так что она была бы утомительна, если бы её встретить снова».

Бартли улыбнулся, зевнул и пошёл спать.

ГЛАВА III

На следующий вечер Александр пообедал один в клубе, и около девяти часов зашёл в театр герцога Йоркского. Дом был распродан, и он стоял во время второго акта. Когда он вернулся в свой отель, он просмотрел новый справочник и обнаружил, что адрес мисс Бёргойн всё ещё указан у Бедфорд-сквер, хотя и под новым номером. Он вспомнил, что, поскольку её вообще воспитывали, её воспитывали в Блумсбери. Её отец и мать играли в провинции большую часть года, и её оставляли в значительной степени на попечении старой тёти, которая была скована ревматизмом и которой пришлось совсем оставить сцену. В те дни, когда Александр знал её, Хильде всегда удавалось иметь какое-то жильё около Бедфорд-сквер, потому что она упорно цеплялась за такие обрывки и клочки воспоминаний, которые были связаны с этим местом. Комната мумий Британского музея была одной из главных радостей её детства. Это отталкивающее здание было целью её прогуливающейся фантазии, и её иногда водили туда в награду, как других детей водят в театр. Прошло много времени с тех пор, как Александр думал о какой-либо из этих вещей, но теперь они вернулись к нему совсем свежими и имели значение, которого у них не было, когда их впервые рассказывали ему в его беспокойные двадцать лет. Так она всё ещё была в старом районе, около Бедфорд-сквер. Новый номер, вероятно, означал увеличение благосостояния. Он надеялся на это. Ему хотелось бы знать, что она уютно устроилась. Он посмотрел на часы. Было четверть одиннадцатого; она не вернётся домой ещё добрых два часа, и он мог бы сходить туда и взглянуть на место. Он помнил кратчайший путь.

Был тёплый, дымный вечер, и грязная луна. Он прошёл через Ковент-Гарден до Оксфорд-стрит, и когда он свернул на Мьюзиэм-стрит, он пошёл медленнее, улыбаясь своему собственному нервозному состоянию, когда приближался к угрюмой серой массе в конце. Он на самом деле не был внутри Музея с тех пор, как они с Хильдой встречались там; иногда чтобы отправиться на весёлые приключения в Твикнем или Ричмонд, иногда чтобы задержаться там на некоторое время и поразмышлять у мраморов лорда Элгина о долговечности некоторых вещей, или в комнате мумий о ужасной краткости других. С тех пор Бартли всегда думал о Британском музее как о конечном хранилище смертности, где все мёртвые вещи в мире были собраны, чтобы сделать час своей юности ещё более драгоценным. Человек дрожал от страха, что прежде чем он выберется, это может как-то ускользнуть от него, что он может уронить стакан из-за чрезмерного рвения и увидеть, как он разбивается на каменном полу у его ног. Как человек прятал свою юность под пальто и обнимал её! И как хорошо было повернуться спиной ко всему этому сводчатому холоду, взять Хильду под руку и поспешить из больших дверей и вниз по ступеням на солнечный свет среди голубей — знать, что тёплая и живая вещь внутри него всё ещё там и не была выхвачена, чтобы румянить худую щёку Цезаря или кормить вены какого-нибудь бородатого ассирийского царя. Они в своё время несли это пламенное зелье, но сегодня было его! Так песня звучала в его голове теми летними утрами дюжину

лет назад. Александр прошёл мимо этого места очень тихо, как будто боялся разбудить кого-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.